

Настроение Цуй Люя переменялось в одночасье.

Крохотные «детки» Королевской гу уже несколько часов гуляли на свободе, и то, что должно было случиться, наверняка уже произошло. Даже если бы он, забыв о ранах, бросился вместе с Ли Янь исправлять содеянное, было уже поздно — с наступлением сумерек за закрытыми дверями особняков начались совсем иные «беседы».

Ли Янь выдавала информацию порциями, и от её последних откровений старое лицо Цуй Люя то и дело заливала краска смущения. Как оказалось, в первые два-три часа после попадания в тело мотыльки вызвали такое неистовое плотское влечение, перед которым бледнели любые афродизиаки. Но страшнее было другое: если после заражения случалась близость, прозрачные крылышки мотылька превращались в зародышевый мешок. Уже через десять дней беременность становилась очевидной.

Поскольку зачатие происходило под воздействием чуждой силы, вынашивание плода становилось тяжким испытанием, куда более мучительным, чем обычное материнство. Если женщине полагалось носить дитя десять месяцев, то мужчине — все тринадцать. Лишние три месяца требовались гу, чтобы полностью перестроить мужской организм для благополучного родоразрешения. Затраты жизненных сил и крови при этом удваивались. Но и это не было концом: девять из десяти мужчин после таких родов навсегда оставались двуполоыми. Лишь одному счастливчику из десяти везло — зародышевый мешок отторгался вместе с младенцем, возвращая телу прежний вид.

А те, кто, заметив первые признаки «тяжести», решал избавиться от плода, платили страшную цену. Выкидыш, вызванный снадобьями, на двенадцать лет лишал мужчину жизненной силы семени, и никакое лекарство в поднебесной не могло вернуть ему способность к продолжению рода.

Выбор был прост и жесток: либо позорное бремя, либо двенадцать лет бесплодия.

Цуй Люя пробрала крупная дрожь. Он и не думал обвинять Ли Янь во лжи или пустых фантазиях.

Он поверил в её слова о «плодородии» охотнее, чем в угрозу бесплодия, по одной простой причине: его умение играть на гу-флейте не было случайным навыком. Это знание передавалось каждому главе клана Цуй при вступлении в должность.

Более того, он подозревал, что семья его старшего дяди, передавшая ему бразды правления, когда-то прибегла к этому методу. Его рано ушедший из жизни двоюродный брат, скорее всего, появился на свет именно так. Доказательства лежали на поверхности: тетушка родила в почтенном возрасте, а дядя перед этим целый год где-то добывал загадочное «лекарство для сохранения плода».

Цуй Люй неспроста упомянул, что история с гу тянется лет семьдесят — на деле корни уходили еще глубже. Их предки переселились сюда из Цзинбэя, от границ Восточного Юэ. Великое переселение длилось почти два года, и несколько месяцев клан провел в укрепленном поселении на окраине Цзиннаня. Если бы местные жители не были столь враждебны к чужакам, клан Цуй и сейчас бы процветал среди густых лесов и неприступных гор того края.

Поскольку клан был многочисленным, им требовались обширные земли для поселения, что пугало коренных жителей Цзиннаня. Те попытались изгнать пришельцев, пустив в ход свое тайное оружие — гу. Между ними наверняка случилась стычка, но в итоге всё закончилось миром. Цзиннаньцы передали Цуй ноты для гу-флейты, умиряющей насекомых, и скрепили союз клятвой на крови, обещавшей роду Цуй вечное процветание.

До рождения того самого сына у старшего дяди и тети рождались только дочери, а если и появлялся мальчик, он не доживал и до трех лет. Когда все уже отчаялись увидеть наследника в главной ветви, супруги покинули Хуйцюй, а вернулись с новостью о долгожданной беременности. Больше года их никто не видел — они скрывались от посторонних глаз, ссылаясь на слабое здоровье тетушки.

Никто не усомнился в происхождении кузена: он был точной копией своего отца.

Потому, когда Ли Янь озвучила выводы, в корне расходящиеся с его кошмарными видениями, Цуй Люй испытал не столько шок, сколько озарение. Теперь стало ясно, почему дядя перед смертью так крепко сжимал его руку, заклиная не забывать мелодии гу-флейты. Он говорил, что над их ветвью довлеет проклятие, прерывающее мужскую линию каждые два-три поколения, и если Цуй Люй не сможет зачать сына, ему нужно идти в Цзиннань, за реку, и искать того, кто поймет голос его гу-флейты.

Ли Янь, хоть и пребывала в полузабытьи, о своих подопечных знала всё. По её словам, предки растили гу не для убийства, а для спасения рода. Жизнь в горах была суровой, население таяло на глазах. Мужчины уходили на заработки и пропадали без вести, а женщины, связанные по рукам и ногам хозяйством и стариками, оставались куковать в одиночестве. Тогда они и нашли в лесных дебрях «сокровище», дарующее жизнь. Стоило применить его на мужчине, помышлявшем о побеге, как тот превращался в верного домоседа, разделявшего с женой все тяготы материнства. Постепенно женщины Цзиннаня взяли власть в свои руки, а мужчины стали лишь приложением к ним, утратив былое величие. Со временем умелицы вывели и другие виды — гу-любовников, гу-безличия... Всё ради того, чтобы держать мужчин в узде.

Но в своей основе гу были лишь инструментом для продолжения рода. Добро или зло — зависело лишь от того, в чьих руках они находились. В руках милосердного гу дарили жизнь, в руках злодея — несли погибель.

Ли Янь считала своих «деток» очаровательными, и в телах людей они послушно принимались укреплять организм. Но Цзи Байлин, до смерти боявшаяся насекомых, приняла Королевскую гу лишь ради вечной молодости, преодолевая тошноту. Мотыльки, разлетевшиеся по округе, впитали эту неприязнь и злобу своей временной хозяйки. Можно лишь догадываться, как они поведут себя теперь, ведомые этой темной волей.

Королевскую гу Ли Янь получила из рук самого Великого императора. Тот всю жизнь стремился увеличить численность коренного населения Цзиннаня, чтобы создать там «зону безопасности» и подготовить почву для переселения жителей из других провинций. Сами горцы не могли развить край, а страх перед поглощением «чужаками» не давал им открыться миру. Тогда-то император и передал Ли Янь Гу-прародительницу, возложив на неё миссию святой девы — расширить границы её народа.

Всё было продумано до мелочей. Ли Янь вот-вот должно было исполниться восемнадцать, она готовилась вернуться в клан и принять сан... И тут случилось похищение гу, разрушившее долгие годы трудов Великого императора.

Будь разум Ли Янь в порядке, она бы вмиг усмирила разлетевшихся мотыльков. Но сейчас она была словно дитя, совершенно забыв о своей власти над ними. Цуй Люй же, знавший о гу лишь понаслышке, мог только гадать о последствиях. Им оставалось лишь надеяться, что те, в кого вселились «детки», найдут в себе силы сдержать порывы плоти.

Пир в усадьбе префекта начался в полдень. Сначала вмешался Цуй Люй, потом — Цзи Байлин, затем последовали хаос, ранение Ли Янь и её долгое пробуждение. К тому времени, как они покинули лечебницу, чтобы разгрести эти авгиевы конюшни, город уже готовился к комендантскому часу.

Внутренний город Цзянчжоу был на осадном положении. Гости, в панике бежавшие с праздника, принадлежали к самым знатным домам. Увиденному они верили лишь наполовину, но облако насекомых, накрывшее всё в радиусе пятисот метров, было реальностью. Мотыльки путались в волосах, забивались под одежду — даже самые храбрые из мужей были в ужасе. Вернувшись домой, они первым делом бросились отмываться, а затем, содрогаясь от отвращения, принялись обсуждать произошедшее.

Ими овладела тревога. Не желая верить в дурные предзнаменования, они всё же не могли их игнорировать. Повсюду были разосланы слуги, чтобы следить за домом Янь Сю. Они надеялись выцепить префекта и выбить из него правду, но обнаружили, что все входы и выходы перекрыты Гвардией Нефритового Дракона. В усадьбу теперь не могла проскочить даже муха.

Они опоздали. Столичный инспектор вместе с гвардейцами взял ситуацию под контроль, и связь с Янь Сю была окончательно потеряна. Самые расторопные уже начали готовить корабли к отходу. Если инспектор найдет в бумагах префекта хоть малейший след их участия, они немедленно поднимут паруса и уйдут к намеченной цели — на остров Дунсан, до которого было меньше пяти дней пути.

Дунсан был диким, нецивилизованным местом, населенным нищими аборигенами. Единственным его достоинством было то, что местных жителей легко было подчинить. За горсть зерна они были готовы на смерть, беспрекословно выполняя любые приказы. Имея достаточно золота, можно было натравить их даже на прежних хозяев. Почти каждый богатей в Цзянчжоу имел там клочок земли и наемников, навещаясь туда время от времени, чтобы наладить связи. На случай беды у них всегда был план — прийти и силой занять место местной верхушки.

Обычный закон джунглей: черное пожирает черное.

Цуй Люй предупреждал Би Хэна, когда тот спешил к Янь Сю: не стоит пороть горячку и пугать этих людей раньше времени. Пока они не знают точного расположения их тайных верфей и соляных складов, лучше усыпить их бдительность. Поэтому Би Хэн предъявил Янь Сю обвинение в похищении чиновника и принуждении к сожительству, приведшем к попытке самоубийства. О делах других кланов не было сказано ни слова.

Люди по натуре своей склонны надеяться на лучшее. Пока нет прямых улик, они будут медлить и выжидать.

В конце концов, их корни — здесь, в Цзянчжоу. Никто не хочет бросать насиженные места и начинать всё с нуля на чужбине, если есть хоть малейший шанс усидеть на месте.

Цуй Люй боялся, что Би Хэн в порыве рвения решит сразу наложить лапу на все их богатства. Тогда они взбунтуются так, что мало не покажется. Пара сотен гвардейцев не спасет от ярости «речных пиратов» — они просто исчезнут в пучине вместе с Би Хэном и всеми окрестными жителями.

Пока подготовка не завершена, префекта Янь Сю нужно судить лишь за личные прегрешения, не касаясь его должностных полномочий. Это позволит удержать его сообщников от отчаянных шагов и заставит их поверить, что они могут выйти сухими из воды, пожертвовав одной лишь фигурой.

Если разыграть карту Янь Сю с умом, весь расклад в Цзянчжоу может измениться навсегда.

Би Хэн понимал: это шанс, который выпадает раз в жизни. Изначально он планировал лишь немного «пощипать» префекта за махинации с налогами, в лучшем случае — найти повод для торга. Он и представить не мог, что дело обернется таким грандиозным скандалом, разом разбившим монолитное единство цзянчжоуской знати.

Теперь его задачей было заставить «тигров» сидеть смирно, не давая им почувать опасность раньше времени. Нужно было подготовить ловушку так, чтобы ни одна мышь не проскочила, пока крышка не захлопнулась.

Он уже отправил людей в Баочуань за подкреплением, но с тревогой поглядывал в сторону реки, где затаилась банда речных перевозок. Цю Саньдао убил двоих их людей, один из которых был третьим предводителем банды. Снеся ему голову одним ударом, командир гвардейцев превратил моряков в яростных врагов. Теперь любая попытка отправить гонца на тот берег была обречена: людей банды не купят никакие письма, они схватят любого и выдадут цзянчжоуским богатеям.

Цю Саньдао перешел черту, кровно обидев тех, кто до этого держался нейтралитета. Моряки не заискивали перед местными кланами, но и со властями Баочуаня не знались, живя своим

умом. Теперь же, желая отомстить за своего жоака, они неизбежно примкнут к врагам империи.

В такие времена верность братьям значит больше, чем политические игры. Банда речных перевозок держалась на узах братства, и если Би Хэн не найдет способа загладить вину, он окажется в полной изоляции, отрезанный от другого берега.

У Би Хэна голова шла кругом. Глядя на ледяное, бесстрастное лицо Цю Саньдао, он с трудом подавлял желание разразиться проклятиями.

«Тебе что, трудно было дать пару мелких монет какому-то проходимцу на переправе? Зачем было сразу хвататься за меч?! Ты не просто убил человека — ты снес голову их жоаку! Герой, ничего не скажешь...»

Спесь и гонор знатного барина в третьем поколении — вот и вся его доблесть!

А тут еще Цзи Байлин... Придя в себя, она устроила форменную истерику, требуя, чтобы Цю Саньдао немедленно схватил Цуй Люя. Она не собиралась больше плести интриги и ждать удобного случая — она хотела забрать гу силой. Обезумев от ярости, она визжала на весь дом, приказывая своим слугам связать Ли Янь. Будь у Цю Саньдао чуть меньше рассудка, Цуй Люй и Ли Янь не смогли бы и шагу ступить по внутреннему городу.

Би Хэн нацепил на лицо вежливую маску, сдерживая гнев. Он вносил каждый их промах в свой мысленный реестр, поклявшись себе: как только он договорится с бандой речных перевозок, первым делом отправит тайное донесение Великому императору. Он опишет всё произошедшее в самых черных красках.

«Пусть ты открыл мне путь к победе, но я не позволю тебе губить моих друзей ради прихоти этой девки!» Статус Ли Янь давал ему уверенность: император не станет прощать потомков заслуженных семей за их былые заслуги, если на кону стоит нечто столь важное.

Цуй Люй знал Цзянчжоу как свои пять пальцев. Годами он наблюдал за местными интригами со стороны, оставаясь в тени. Его советы в сочетании с многолетним опытом Би Хэна в государственных делах делали победу над домом Янь Сю вполне достижимой. Самым сложным было прощупать глубину связей префекта с местными кланами — одно неверное движение могло разрушить всё. Потому Би Хэн был готов драться за Цуй Люя до последнего, даже если бы Цю Саньдао решил пустить в ход меч ради своей возлюбленной.

Сейчас обе стороны делили парадный зал усадьбы префекта, погруженные в тягостное молчание из-за невозможности отправить вести. Цзи Байлин не умолкала, прикрывая лицо, постаревшее на добрый десяток лет, и вела себя как безумная. Когда Цуй Люй прислал человека к Би Хэну, тот под большим секретом передал весть о странном действии мотыльков.

У Би Хэна едва не лопнула голова. Услышав, что из него самого личинок уже извлекли, он едва

не поклялся на месте: полмесяца не подходить к женщинам ни на шаг!

А затем, словно почуяв мысли Цуй Люя, он хитро прищурился, глянул на беснующуюся Цзи Байлин и махнул рукой Цю Саньдао:

— Командир Цю, не соизволите ли проводить госпожу Цзи в задние покои на отдых? Всё равно новостей пока нет. Я попробую еще раз переговорить с людьми из банды речных перевозок, а как что прояснится — немедленно вам сообщу.

Послание Цуй Люя было предельно ясным: десять дней — ни шагу к женщинам, пятнадцать — срок полной безопасности. Ли Янь, несмотря на помутнение рассудка, в этом вопросе была тверда. По её словам, Королевская гу нашептала ей: первые три дня — шанс стопроцентный, к десятому дню — падает вдвое, и только после пятнадцатого опасность минует. Взрослые мужчины со временем избавятся от угрозы через естественные процессы, но вот мальчикам, не достигшим зрелости, везет меньше. Личинки в их телах затаятся и останутся навсегда, если не выманить их вовремя. Для них это — необратимая перестройка организма.

Потому сейчас Цуй Люй и Ли Янь искали прежде всего детей, оказавшихся в зоне поражения. Взрослые мужчины сами вольны выбирать свою судьбу, а вот если ребенок по незнанию упустит время — это может обернуться непредсказуемыми бедами для всего общества. Цуй Люй не смел так рисковать. В его видениях этого не было, и сейчас он шел вслепую, ощупью прокладывая путь.

Ли Янь послушно следовала за своим «дедушкой». Её рот не закрывался ни на минуту — банка со сладостями пустела с невероятной скоростью.

По пути они стучались в дома, и стражники спрашивали, не чувствовал ли кто-то облака насекомых. Кто-то честно признавался, что пыльца попала в нос или глаза, и тогда Ли Янь выходила вперед. Она смазывала их ноздри и ушные раковины выделениями Королевской гу, и через мгновение личинки сами показывались наружу.

Были и те, кто не верил. Они смотрели на них с подозрением, словно на мошенников, пришедших грабить дом, и гнали прочь. Цуй Люй не спорил — разворачивался и уходил. Свой долг он исполнил, а верить или нет — дело хозяйское. В конце концов, пострадает не его род.

Сказать по правде, не будь тех кошмарных видений, Цуй Люй со своим характером ни за что бы не вышел из дома с раненой спиной. Он ценил свою жизнь больше всего на свете. Но и смотреть, как гибнет Цзянчжоу, он не мог. Пусть даже это грозило не смертью, а «прибавлением» — это меняло судьбы людей навсегда. В тех спорах из будущего, что он видел, все рассуждали о случившемся как о далекой истории, сухими цифрами измеряя масштаб катастрофы. Для них это была трагедия на бумаге, а для него — живые люди, чью боль и слезы он чувствовал кожей. Он не стремился к величию и не жаждал памяти потомков. Он просто хотел в меру своих сил уберечь современников от лишней крови и горя.

Впрочем, горбатого только могила исправит. Они проработали полночи, обойдя едва ли сотню

домов. Статус инспектора позволял им игнорировать комендантский час, но город вокруг замер в зловещей тишине. Кто-то следил за ними из-за штор, кто-то перешептывался, а кто-то и вовсе не стеснялся в выражениях.

— Я отдал за тебя пятьдесят лянов серебра! Купил как вещь, а ты за пять лет даже яйца снести не сподобилась! И еще смеешь указывать мне, пить или ходить в бордель?! Смерти ищешь, дрянь?! Еще хоть слово — и я вышвырну тебя вон! Прочь с дороги, не мешай мне развлекаться!

Дверь распахнулась, и из дома вылетел разъяренный мужчина. Столкнувшись нос к носу с отрядом Цуй Люя, он на миг съежился — типичный домашний тиран, пасующий перед силой. Ли Янь, напуганная его криками, спряталась за носилки и притихла.

Цуй Люй окинул взглядом дом — добротное подворье в престижном районе. Хозяин был одет с иголки, в шелковом халате на вате. Сразу видно: в доме есть женщина, которая умеет заботиться и поддерживать порядок.

Мужчина опасливо отступил на шаг, буравя их взглядом.

— Кто вы такие? Что вам нужно в моем доме?

Взгляд Цуй Люя скользнул мимо него на женщину, стоявшую в дверях. Молодая еще особа, миловидная, но с печатью глубокого горя на лице. Волосы её уже тронула преждевременная седина. Лицо молодое, а взгляд — как у старухи.

— Вы были сегодня в центре? Видели суету у дома префекта?

Мужчина вздрогнул, замахал руками и затараторил:

— Я только мельком глянул! Ничего не знаю!

Цуй Люй кивнул, пристально глядя ему в глаза:

— Тогда сегодня вам лучше остаться дома. Сидите тихо и никуда не выходите, иначе...

Тот не стал дожидаться продолжения — нырнул в дом и вцепился в ручку двери.

— Понял, понял! Никуда не иду! Сегодня — ни за что!

Он решил, что это люди префекта ищут свидетелей для расправы. Цуй Люй даже не заикнулся о мотыльках, просто глядя, как тот задвигает тяжелый засов.

Лицо мужчины уже горело нездоровым румянцем. Ли Янь была права: «детки» уже начали свою работу. Судя по его нетерпению и жажде развлечений, ему срочно требовался выход для накопившейся энергии. Пусть сидит дома — по крайней мере, ребенок будет от законной жены.

Будь на то воля Цуй Люя, он бы и пальцем не пошевелил. Но трагедия женщин того времени была в том, что без ребенка они оставались бесправными теньями. Если его жена сумеет удержать власть в доме, когда муж окажется «в положении», возможно, это хоть как-то искупит её прошлые страдания.

Ли Янь непонимающе взглянула на Цуй Люя:

— Дедушка, мы больше не будем работать?

Цуй Люй задумался.

— В течение полумесяца ты ведь сможешь забрать мотыльков у мальчиков, так?

Ли Янь кивнула:

— Да, в течение пятнадцати дней — запросто.

— А через десять дней все, кто забеременеет, уже почувствуют изменения?

— Конечно! Живот начнет болеть, очень сильно... — Она принялась активно жестикулировать, объясняя. — Это как у женщин, когда дитя готовится выйти. Тело за эти десять дней перестроится, так что они сразу поймут.

Цуй Люй кивнул и обратился к У Фану:

— Возвращаемся!

Больше не было нужды стучаться в каждую дверь. Через десять дней те, кого коснулась беда, сами прибегут к врачам. Тогда Би Хэн разошлет указ по всему городу: собрать всех мальчиков на площади перед управой для массового исцеления.

Если и тогда кто-то не поверит — что ж, Цуй Люй сделал всё, что мог. Свою совесть перед земляками он очистил.

Едва они вернулись в лечебницу, и лекарь принялся менять повязки на спине Цуй Люя, ворча о необходимости покоя, как в дверях появился Би Хэн. Он окинул комнату властным взглядом,

дождался, пока все выйдут, и покосился на дремлющую Ли Янь. Поняв, что та не понимает намеков, он лишь вздохнул и, придвинув табурет к кушетке Цуй Люя, прикрыл рот рукавом.

— Цю Саньдао переспал с Цзи Байлин, — зашептал он с такой скоростью, что слова сливались в одно.

На его лице застыло выражение крайнего отвращения вперемешку со злорадством.

— Он мне давно не нравился! Знал ведь, что я иду на тот берег с одним стражником, опасно же, а ни одного гвардейца не выделил. Ну и поделом! Посмотрю я на него, когда у него живот на лоб полезет. Ишь, гонора-то сколько, а мозгов — как у воробья. Семья Цю совсем измельчала. Дед при Великом императоре имя сделал, а внук только о любви и думает. Тьфу, позорище!

Цуй Люй закашлялся и тихо спросил:

— И что, госпожа Цзи согласилась? Она ведь, кажется, не в его вкусе.

Вряд ли она стала бы так калечить Ли Янь на глазах у того, кого любит. Перед любимым обычно стараются казаться нежной и добродетельной.

Два старика обменивались заговорщицкими взглядами.

— Согласилась?! Да я через стену всё слышал! Госпожа Цзи так рыдала... Но её слуги против гвардейцев Цю — всё равно что цыплята против ястребов. Их всех за дверью выставили. Ох, ну и шуму там было... Даже дубовая дверь не спасала. Мне за стеной и то неловко стало. Молодежь, что и говорить... Силы-то у воина много, эх...

Цуй Люй сглотнул и косо посмотрел на друга.

— Что-то ты больно расчувствовался. Может, попросить Янь-эр подсобить тебе? С её «детками» ты и в свои годы будешь как юнец.

Би Хэн замахал руками:

— Избавь, избавь! На старости лет позор на свою голову навлекать? Великий император учил: истинный муж должен блюсти чистоту помыслов и тела. Первые два пункта я еще держу, не хватало на последнем погореть. Я должен честно смотреть в глаза жене, что ждет меня в Хэчжоу!

— Тьфу на тебя! — Цуй Люй легонько толкнул его. — Садись вон на табурет, давай о деле.

Но Би Хэн явно вошел во вкус. Он снова придвинулся ближе и зашептал:

— Твой уездный судья, Чжан Ляньцюэ... Едва очухался — и сразу... кхм... в то самое заведение. Сейчас, небось, уже закончил дела. А еще этот старый лис Янь Сю... Послушай... А если двое мужчин... Ну, ты понимаешь... Будет толк?

Цуй Люй вытаращил глаза. Би Хэн лишь развел руками.

— Да я и представить не мог, что он настолько неразборчив! Хотел выбить из него настоящие налоговые книги, подослал старого дворецкого, чтобы тот его уговорил. А он... хех... чуть не уморил беднягу. Когда мои люди дверь вынесли, он уже дело сделал.

Вспомнив довольную мину Янь Сю, Би Хэн почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота. Его передернуло.

— Ох, не могу... тошно говорить. Теперь понятно, почему у старого козла детей нет. Видать, привык ходить окольными путями, и плевать ему, кто под руку подвернется. Тьфу, мерзость!

Бедный Цуй Люй едва не выплеснул обратно чашу с горьким лекарством. Он отвесил Би Хэну легкий подзатыльник.

— Я тебя о деле спрашиваю, а ты мне тут сплетни собираешь! С каких пор ты стал таким бездельником? Помни о своем сане!

Ведет себя как базарная торговка, честное слово.

Би Хэн наконец посерьезнел. Он выпрямился, покосился на спящую Ли Янь и спросил:

— Что нам с ней делать? Она от тебя ни на шаг, никому не верит. Забрать её в столицу будет непросто.

Цуй Люй взглянул на безмятежное лицо девушки.

— В Цзянчжоу сейчас такой кавардак, что ты еще долго здесь проторчишь. Пусть пока едет со мной в уезд. Она всего на пару лет младше моей младшей дочери. Если бы не разум... Эх, Би Хэн, у тебя здесь нет своих людей. В ближайшие две недели в Цзянчжоу начнется великая смута. Ты готов к этому?

Би Хэн в отчаянии почесал макушку.

— Банда речных перевозок нас теперь ненавидит. Ни о каких переговорах и слышать не хотят.

Требуют голову Цю Саньдао за своего жоака. Но как я его выдам? Его люди этого не допустят. Сейчас всё зависит от того, у кого нервы крепче.

Один неверный шаг — и прольются реки крови.

Цуй Люй поправил его:

— Не «нас», а «вас». Я к вашей компании не принадлежу. Би Хэн, я здесь — местный житель, почтенный старец.

Би Хэн замер, глядя на спокойное лицо Цуй Люя. Затем его физиономия снова расплылась в той самой хитрой улыбке, и он придвинул табурет вплотную к кушетке.

— Люй-цин... Люй-цин-цин... У тебя ведь есть план. Я знаю, ты что-то придумал. Помоги старому брату! Обещаю, я в долгу не останусь — приду с такими дарами, что ахнешь. Только назови цену, я всё из-под земли достану.

Он знал, что Цуй Люй души не чает в деньгах и любит припрятать золото-серебро.

Но на этот раз он ошибся. Цуй Люй остался холоден к обещаниям богатств. Он подложил руки под голову и медленно произнес:

— Мне не нужны твои деньги. И дары твои мне не интересны. Я хочу от тебя только одну вещь.

Би Хэн озадаченно похлопал себя по полам халата.

— Что же это? У меня при себе и нет ничего...

Цуй Люй замолчал. Тишина длилась долго, пока, наконец, он не спросил:

— Если ты сумеешь навести порядок в Цзянчжоу, что государь пожелает тебе?

Би Хэн задумался.

— Скорее всего, мне отдадут половину налоговых сборов Цзянчжоу за три года.

Цуй Люй посмотрел ему прямо в глаза.

— Всё еще гредишь о своих каналах и реках?

Би Хэн кивнул.

— Это дело всей моей жизни. Половина налогов за три года — это не меньше восьми миллионов лянв. Люй-цин, с этими деньгами я смогу наконец провести воду в Хэчжоу.

Цуй Люй прикинул свои сбережения и понял, что даже если выгрести всё дочиста, восьми миллионов не наберется. У него не было такой суммы, чтобы перебить это предложение. Он на мгновение замолк, но Би Хэн продолжал настаивать:

— Говори, что тебе нужно! Если это в моих силах — сделаю.

— Я... — Цуй Люй встретил искренний взгляд друга и, отведя глаза, принялся перебирать пальцами узоры на одеяле. — Я хочу, чтобы ты использовал эту награду... для моей семьи. Для всего клана Цуй. Добейся для нас Железной грамоты с киноварью, дарующей прощение. Согласен?

Би Хэн решил, что ослушался. Он подался вперед.

— Что? Чего добиться? Повтори, я не расслышал.

Цуй Люй поднял на него взгляд, в котором застыла тревога.

— Железную грамоту, дарующую помилование. Би Хэн, готов ли ты отдать свой великий подвиг ради спасения моей головы?

События приняли такой оборот, который Цуй Люй уже не мог контролировать. Если через десять дней слова Ли Янь подтвердятся и мужчины начнут «тяжелеть», кошмар из его видений вернется, пусть и в ином обличье. И хотя это вроде бы не касалось его, сидящего в Хуйцзюе, интуиция подсказывала: какая-то сила неумолимо толкает клан Цуй к предначертанному финалу.

Будто результат уже записан в книге судеб, и что бы они ни делали, итог останется неизменным.

Би Хэн смотрел на него как на безумца. Поняв, что Цуй Люй не шутит, он растерянно спросил:

— Зачем она тебе? Люй-цин, в нашей династии таких грамот еще не давали. Даже те, кто вместе с Великим императором завоевывал Поднебесную, не удостоились такой чести. Наш закон не признает наследственных привилегий. Заслуги предков не покрывают вину потомков. Как бы ни был знатен род, если сын совершит преступление — он будет наказан. Поэтому то, о чем ты просишь... я просто не смогу этого достать.

Потому-то Цзи Байлин и Цю Саньдао вели себя так нагло — они знали, что их чины добыты собственной службой. Но это же порождало в них чувство превосходства и презрение к остальным.

Цуй Люй сник. Он тяжело вздохнул и с натянутой улыбкой махнул рукой:

— Забудь. Считаю, что я бредил или просто не в себе. Выбрось из головы.

Би Хэн нахмурился и принялся пристально изучать лицо друга.

— Нет, Люй-цин. У меня давно этот вопрос на сердце. Как так вышло, что твои люди спасли меня именно в тот момент? Зачем ты вообще покинул Хуйцюй? И почему ты так неосмотрительно влез в спор между Янь Сю и Цзи Байлин? Ты ведь всегда ненавидел вылезать вперед, всегда избегал опасности. А если бы я не успел? Как бы ты, простой сюцай, выпутывался из этой заварухи? Одно неверное движение — и от тебя бы мокрого места не осталось. Ты шел на это с какой-то целью. Цуй Люй, мы не виделись двадцать лет, но для меня ты никогда не был чужим. Объясни мне: зачем ты это сделал? И как ты узнал, что я попаду в беду на пристани?

Цуй Люй замер. Он-то думал, что Би Хэн за всеми хлопотами и не вспомнит о деталях.

— Я... ну... — под пристальным взглядом друга Цуй Люй судорожно соображал. — Случайность! Честное слово, просто совпадение.

Би Хэн всем своим видом показывал, что ждет продолжения этой сказки. Цуй Люй, стараясь казаться спокойным, продолжил:

— В моем клане нашелся предатель, я, как глава, должен был его найти и наказать. А еще мой младший сын собрался на север, и когда я помогал ему со сборами, то заметил, что плата за проход на пристани совсем несусветная... Вот я и подумал: а не влезть ли мне в это дело? Чтобы сэкономить на перевозках... Наверное?

Чем больше он говорил, тем убедительнее звучал его голос. Он выпрямился, всем своим видом показывая: «можешь проверять, мне скрывать нечего». Би Хэн понимал, что тот врет, но решил не давить — всё равно правды сейчас не добьешься. Решил, что позже сам во всем разберется.

Железная грамота... Обычному человеку такое и в голову не придет. Цуй Люй никогда не просил лишнего. Если он заговорил о помиловании, значит, над ним или над всем кланом нависла смертельная угроза.

Но они же сто лет безвылазно сидели в своем глухом углу! Династии сменялись, а их это не касалось. С чего вдруг им понадобилась защита императора?

Здесь явно что-то не так!

— На соляной пристани, в складах у реки, лежит целый запас инструментов, привезенных с севера, — прервал его размышления Цуй Люй. — Они продают их по чуть-чуть и за огромные деньги. У простого люда в Цзянчжоу нет иного пути, кроме как идти к ним или в казенные лавки. Если хочешь, чтобы они сели с тобой за стол переговоров — захвати этот склад.

Сейчас они упорствуют, потому что чувствуют за собой силу. Но если перекрыть им кислород и лишить прибыли, им придется выбирать между золотом и верностью братьям. И живые люди всегда знают, как выбрать правильно.

Би Хэн от избытка чувств хлопнул в ладоши. Ли Янь вздрогнула, открыла глаза и пробормотала:

— Кушать пора?

Цуй Люй шикнул на него:

— Потише ты! Ребенка напугал.

Он погладил Ли Янь:

— Рано еще, спи. Как придет время — дедушка позовет.

Би Хэн возбужденно вскочил и принялся мерить комнату шагами.

— Тогда я постараюсь выхлопотать для тебя право на управление пристанью! Хе-хе, свои люди — сочтемся. Ты совершил подвиг, никто и слова не скажет. Не бойся, брат, я тебя не обижу.

Цуй Люй устало махнул рукой.

— Ты лучше думай, как солдат из Баочуаня незаметно переправить.

«Благодетель нашелся... У меня и так денег куры не клюют!»

Он на мгновение замолк и поманил Би Хэна пальцем:

— Вы усадьбу Янь Сю хорошо обыскали?

Почему тишина? Би Хэн ему про все любовные похождения доложил, а о самом главном

молчит.

Би Хэн удивленно поднял брови:

— Да давно уже. Ох и жаден же старик! Три полных склада серебра, тюки с импортными благовониями, яшма... Мои люди уже сутки опись составляют.

То есть точную сумму он еще не знал, но размах его уже впечатлил. Цуй Люй только вздохнул. Сразу видно — человек полжизни прожил, не зная, что такое настоящее богатство. Три склада серебра — и он уже в экстазе?

— Только серебро? — подсказал он.

У богатства есть еще один признак. Кроме серебра... бывает еще золото. Очень много золота.

Би Хэн наконец сообразил.

— И правда — только серебро. Странно... На таком месте — и ни одного золотого слитка?

Цуй Люй кивнул и многозначительно похлопал его по плечу:

— Этот человек обожал ученые занятия. Он сам спроектировал себе библиотеку-беседку в саду и проводил там всё время. Любил, знаете ли, чай пить и на виды любоваться.

Би Хэн недоверчиво хмыкнул:

— Так та беседка со всех сторон открыта, окна в пол. Там и спрятать-то нечего.

Цуй Люй пристально посмотрел на него и указал на столик, где лежала книга путевых заметок.

— Помнится, в одном старом трактате описывался случай... Великий император, желая порадовать племянницу, заказал для её дня рождения сборную модель «золотого терема»...

До Би Хэна наконец дошло. Он хлопнул себя по лбу и, размахивая руками, со всех ног бросился вон из комнаты.

Цуй Люй остался один.

Старый Цуй Люй, когда-то дрожавший над каждым грошом, окончательно изменился. В его душе не было ни капли зависти к чужому золоту.

Сердце его было спокойно и чисто, словно застывшая гладь озера.

<http://bllate.org/book/16118/1586629>